

Маркс:—А это проценты с моего «Капитала».

Рисунок
Кароля БАРАНЕЦКОГО
(Польша)

О ДРУЗЬЯХ ТОВАРИЩАХ

Этот номер «Крокодила» сделан руками наших друзей — журналистов, писателей и художников зарубежных стран. Поэтому мы назвали его интернациональным.

Интернационализм — большое и емкое слово. Оно включает в себя такие понятия, как классовая солидарность трудящихся всех стран, их совместная борьба за революционные социальные преобразования, взаимное уважение, дружба, взаимопомощь и многие другие. Интернационализм давно стал азбукой мирового революционного рабочего движения и неперенной основой его исторических побед.

Знамя интернационализма объединяет и публицистов коммунистической, социалистической, рабочей прессы. Они тоже идут рука об руку, во всей своей работе следуют интернациональному долгу, бескорыстно, по-братски помогают друг другу.

У «Крокодила» давняя дружба с юмористами социалистических стран, с прогрессивными публицистами ряда капиталистических государств. Их произведения часто публикуются на страницах журнала, в «Библиотеке Крокодила» выходят книжки этих авторов. И дружба эта взаимна: польские «Шпильки» и «Карусель», болгарский «Стыршел», венгерский «Лудах Мати», немецкий «Ойленшпигель», румынская «Урзика», югославские «Еж» и «Павлиха», чехословацкие «Дикобраз» и «Рогащ», корейский «Хуальсал», монгольский «Тоншуул», кубинский «Паланте и паланте» постоянно знакомят своих читателей с произведениями советских юмористов, издают их книги на болгарском, чешском, немецком, сербскохорватском и других языках. Мы регулярно встречаемся друг с другом, обмениваемся опытом, обсуждаем общие для нас проблемы развития жанра сатиры и юмора в журналистике, литературе, графике.

Готовя юбилейные номера журнала, посвященные 50-летию Советского государства, мы, естественно, пригласили участвовать в них наших зарубежных коллег. Друзья немедленно откликнулись. Одни прислали публицистические статьи, другие — легкие и живые очерки, третьи — юмористические рассказы, четвертые — рисунки, пятые — просто шутки. Без шуток в праздничном номере тоже нельзя: ведь праздник наш радостный, веселый. Некоторые материалы готовились совместно крокодильскими и зарубежными авторами.

Так и сложился этот номер, который, надеемся, понравится тебе, наш читатель.

А в заключение позволю от лица «Крокодила» и от твоего имени, читатель, поблагодарить всех, кто принял участие в нашем интернациональном номере.

Спасибо, дорогие друзья!

Дзенькуем!

Хвала!

Мерси!

Данке!

Мулцумеск!

Ме ви благодарим!

Декуи!

Грацие!

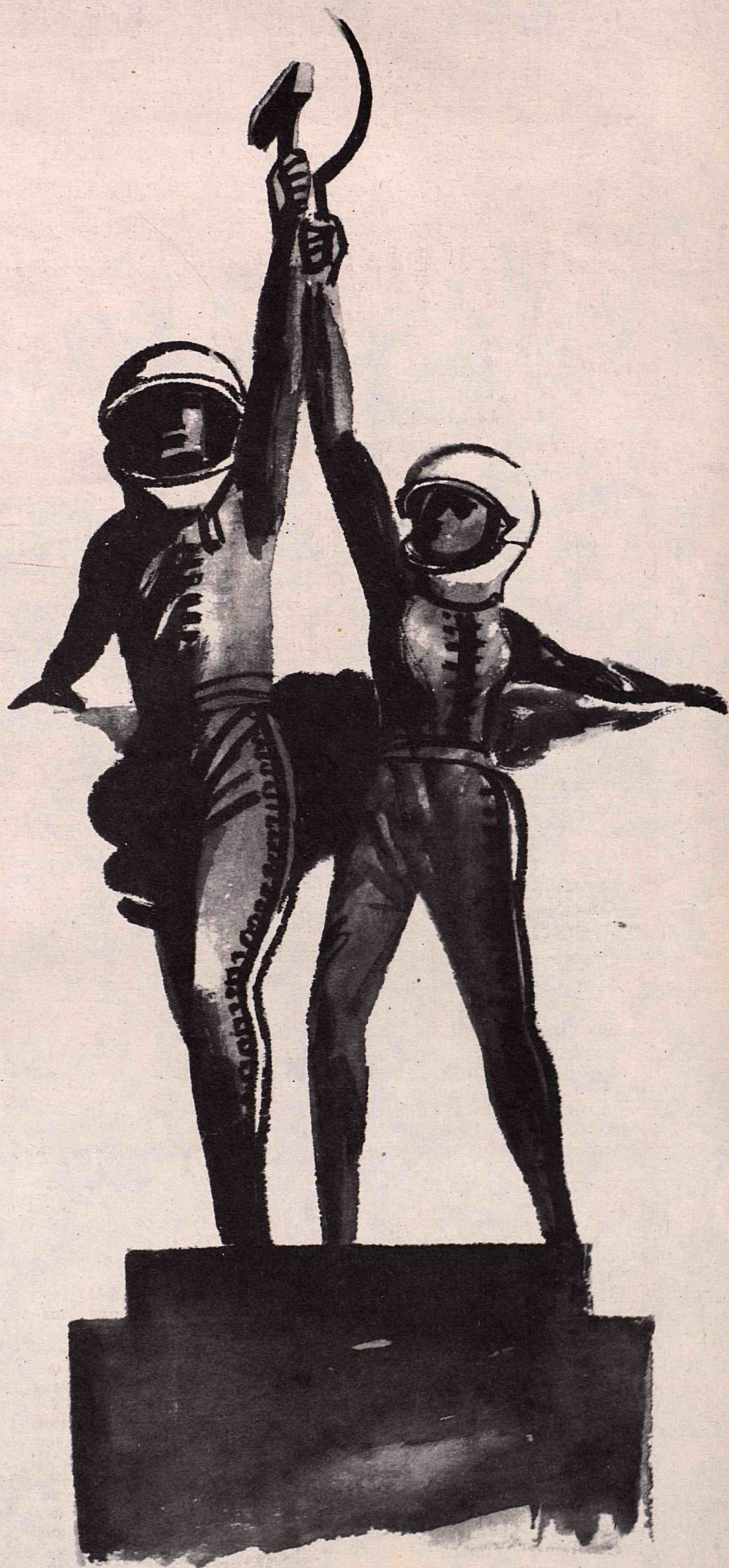
Баярла!

Сэнк ю!

Кёсёнем!

Камшахамнида!

Поздравляем с наступающим праздником — 50-летием Великого Октября!

Новый вариант скульптуры Мухиной.

Рисунок ИБИС-ГРАТКОВСКОГО (Польша)

Воздушный парад в Домодедове.
«Матрешка» 1967 года.

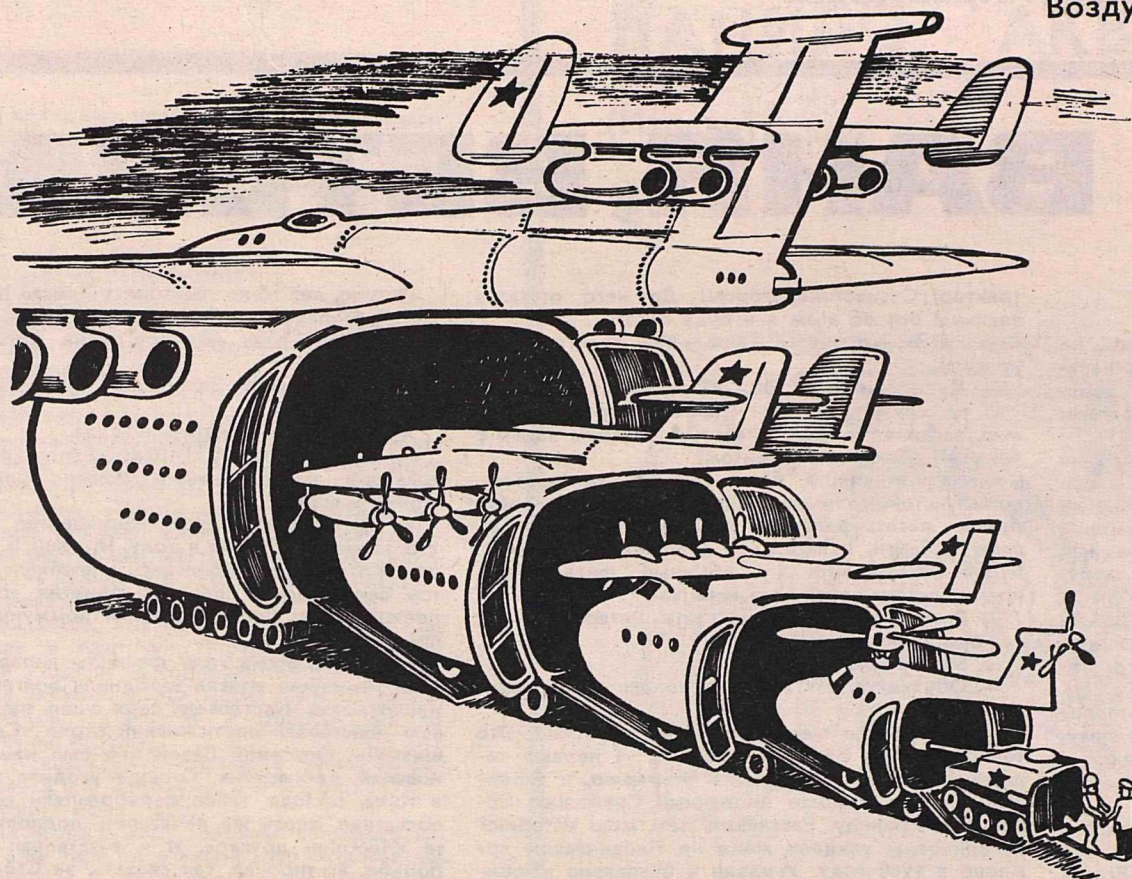

Рисунок
Петера ДИТРИХА
(ГДР)

Из «Крокодила» Андрэ Вюрмсеру:

«Просим прислать памфлет о пророчествах Клемансо и Пуанкаре относительно будущего Советской России. С приветом, Крокодил».

От Андрэ Вюрмсера «Крокодилу»:

«Согласен. Пришлю памфлет сентябре, приветом Вюрмсер».

Из «Крокодила» Андрэ Вюрмсеру:

«С нетерпением жду обещанный памфлет. Крокодил».

Андрэ Вюрмсер — Андрэ Вюрмсеру:

— Призадумался! Уверен ли ты, дорогой Вюрмсер, что знаешь хорошо, как они, то есть господа Клемансо и Пуанкаре, пророчествовали? В гости ты к ним не ходил, кофе с ними не пил. Больше того, ты их ненавидел. В свою очередь, они недолюбливали друг друга. Клемансо противопоставлял Пуанкаре Бриану. Он говорил так: «Бриан ничего не знает, но все понимает, а Пуанкаре все знает, но абсолютно ничего не понимает».

Действительно, они разнились характерами и темпераментами. Пуанкаре — холодный, как само буржуазное судопроизводство, без сердца, без собственных мыслей, пустой, как сейф обанкротившегося дельца. Клемансо — эмоциональный, скептический, в достаточной степени прогневший и также лишенный убеждений и угрызений совести. Но оба они делали войну.

Когда Пуанкаре был избран президентом республики в 1913 году, его предшественник Фальер сказал: «Это война». И в самом деле, шовинизм сорвался с цепи.

Когда в 1917 году Пуанкаре был вынужден пригласить Клемансо, чтобы управлять государством, Клемансо-«тигр» (так прозвали его за злобный характер и торчащие усы) оправдал свое прозвище, заявив без утайки: «Да, я делаю войну».

Они оба олицетворяли войну. Вот почему мы, молодежь, их ненавидели. Увы, мы не смогли реализовать нашу ненависть, справедливую и священную. Но им отомстил Октябрь.

Прежде всего Пуанкаре и Клемансо позаботились о том, чтобы организовать крестовый поход против молодого Советского государства. Клемансо призывал «окружить революцию непроходимым барьером из колючей проволоки». «Мы можем разговаривать с ними только на одном языке, — говорил он. — Этот язык — сила».

Тем самым Клемансо почтительно признал борьбу классов и силу своих противников — революционеров. Красноречивое признание! Что же касается пророчеств и предсказаний, то господа Клемансо, Пуанкаре и все им подобные без устали, по-вороньи злоежески каркали и пророчили Советской республике несчастья, голод, хаос, несбывшиеся мечты, холеру, чуму, насилие, пожары, черную оспу, катаклизмы, войну, повальный туберкулез, слепой фанатизм и т. д. и т. п.

Стены домов и заборов Франции пуанкаристы и клемансисты буквально испещрили изображением мужчины кровожадного обличья с огром-

Андрэ ВЮРМСЕР (Франция)

ПРОВОЗВЕСТИКИ БЕД И БЕДА ПРОВОЗВЕСТИКОВ

ным ножом в зубах — такой образ русского революционера им хотелось бы навязать воображению французов.

Но вот что интересно: понося новый строй в России, Клемансо и Пуанкаре были по-своему искренни. Они искренне считали: возникновение этого режима не что иное, как неприятный момент, который надо пережить. Долго это не продлится, полагали они.

Пуанкаристы, клемансисты, все добрые буржуа предсказывали в течение первых пятнадцати — двадцати лет, что социализм неизбежно рухнет в следующий же понедельник. И эта иллюзия держалась, пожалуй, до Сталинграда. Если бы сам Гитлер не разделял ее, еще неизвестно, взялся ли бы он за свое черное дело.

Конечно, имел место своеобразный психоз: все эти господа принимали желаемое за действительное. Поскольку же люди эти по самой своей капиталистической сущности осуждены на алчность, эгоизм и бесчестность, они склонны искать объяснения капитализму в «человеческой сущности». Так-де повелось от века, что кто-то кого-то должен есть поедом, гнуть и давить. Они купаются в грязи и прекрасно себя в ней чувствуют. И отсюда для них следует вывод: грязь чиста.

Социализм был просто немислим для Пуанкаре и Клемансо. Поэтому в их глазах люди, проповедовавшие его, были в лучшем случае блаженными.

...Но вот появляется Джонсон. Кто-кто, а уж Джонсон не думает, что социалистическое общество рухнет в ближайший же понедельник. Дело опять-таки обстоит сложнее, чем могло бы показаться на первый взгляд. Нет, Джонсон, как и большинство сегодняшних Клемансо, знает, что нет ничего невозможного в том, что социализм распространится на весь земной шар. На что же они надеются? Одни пророчествуют, что социализм постепенно «окапитализируется», в то время как капитализм примет социалистический, так сказать, колер и общество примирится где-то на половине пути между эксплуатацией человека человеком и коммунизмом. Другие, более многочисленные, считают, что на их век, так сказать, капитализма еще хватит...

Но если, фигурально говоря, Пуанкаре теперь щеголяет без бороды, а Клемансо сбросил усы, то их атака на социализм все равно продолжается.

Не считаешь ли ты, милый Крокодил, что сама История положит конец пуанкаристско-клемансистской борьбе против мирового социализма? Я тоже так думаю.

ДЯДЯ ВАНЯ, ВЕТЕРАН

Глава 1. Мне трудно

Вообще-то я приехал в Болгарию погостить, но потом профессия взяла свое — дай, думаю, напишу фельетон. Начал искать тему... Только замечаю: узнав, видно, о моем намерении, болгары стали чинить мне препятствия.

Они взяли, например, и переставили стрелки всех своих часов на час назад — специально, чтобы я путался. Делали еще так: отвечая мне на какой-нибудь вопрос отрицательно, тем не менее утвердительно кивали головой. Поди разберись! Или вот: прошу шофера такси свернуть направо — так он спокойненько едет прямо. Помню еще такой случай. Одна веселая компания позвала меня: «Пейте с нами!» Я, помявшись для приличия, согласился, но не обнаружил ничего, что можно было бы выпить...

Все это во мне накопилось, и, уставший от подвохов, я пошел к своему коллеге Теню Пиндареву, художнику сатирического журнала «Стыршел».

— Что же это такое, Теню? — зашелся я. — Вот хочу написать фельетон, а мне не дают.

Теню выслушал мои жалобы и позвал товарищей.

— Поглядите-ка на него, — сказал он. — Его в школе не учили, что софийское время на час отличается от московского.

Товарищи критически поглядели на меня.

— «Направо» по-болгарски значит «прямо», — продолжал Теню, а «пейте» — «пойте». Мог бы сам догадаться. Ведь когда вы говорите «Наше дело правое», вы подразумеваете, что идете вперед, прямым путем? И если ты понимаешь значение слов «петь», «пел», «будем петь», то почему при слове «пейте» ты разеваешь рот совсем для другого? А то, что, отрицая, мы киваем, — это уж наша национальная особенность, и никто тебя обманывать не собирается.

— Ну, допустим, — нехотя согласился я, — а все равно мне трудно, потому что я знаю только русский язык. Я моноглот. Поедем со мной, Теню, ну что тебе стоит? Я хочу написать фельетон о сельском хозяйстве.

— А ты в сельском хозяйстве разбираешься?

— А что там разбираться? — сказал я. — Продукцию вашу я досконально изучил. Болгарские помидоры, перец, виноград. Даже не столько виноград, сколько производное от него. И болгарский табак. Сигареты «Шипка» — прошу.

— Спасибо, не курю. И куда же мы поедем?

— А поедем просто так, по направлению к морю. И куда-нибудь неожиданно нагрянем. Мне внутренний голос подсказывает.

— К морю — это хорошо, — сказал Теню.

...Лучи солнца, казалось, пронзали насквозь нашу машину. Обгоняя нас, мчались к морю пожилые иностранные стилисты на личных «рено» и «фольксвагенах». От неистовой жары хотелось завыть. Поэтому я почти не удивился, заметив на табличке у шоссе краткий призыв: «Завой!»

— ?

— «Завой» значит «поворот», — объяснил Теню. — Надо снизить скорость.

...Проехали Пазарджик, Пловдив, Стару Загору. До моря оставалась какая-то ерундовая сотня километров, и тут вдруг засигналил мой внутренний голос. Объект близко!

— Давай направо, Теню, — попросил я.

— Направо по-русски или направо по-болгарски?

— По-русски.

Глава 2. Мне трудно

«Веселиново», — прочли мы на дорожном указателе.

— Подходящее название, веселое, как раз для Крокодила. Остановимся? Смотри-ка, Теню, ну и

трактор! С газогенератором! До чего отсталая техника! Вот об этом я и буду писать...

— «ХТЗ», — прочитал Теню. — Ваш трактор, харьковский.

— Не может быть! Это же музейная редкость! И тут случилось чудо. Трактор заурчал, задымил, запыхтел и вдруг сказал на русском языке с мягким украинским акцентом:

— Харьковчанин я, верно. И не удивляйтесь, пожалуйста, что я разговариваю. Вы ведь собираетесь писать фельетон? А в фельетонах все бывает: и черти, и ангелы, и говорящие тракторы. Будем считать, что это обычный фельетонный прием, причем довольно избитый.

— Значит, можно у вас взять интервью? — не теряясь, спросили мы.

— Будьте ласковы.

— Объясните, как вы сюда попали и чем занимаетесь.

— Вы называли меня музейной редкостью. Это точно. Причем редкость вдвойне. Я первый советский трактор, попавший в Болгарию, и я первый трактор, вообще проданный Советским Союзом за границу. Рассказать вам мою историю? Веселиновцы увидели меня на Пловдивской ярмарке в 1940 году. Увидели и буквально влюбились в меня. Поскольку они одни из первых в Болгарии организовали кооперативное хозяйство, им позарез нужен был трактор. Да еще такой красавец, как я, по тем временам, конечно. Купить же меня они могли только через болгарское акционерное общество, у которого был договор с Советским Союзом. А в обществе том — сплошь капиталисты да генералы в запасе. До смерти не хотелось им продавать меня молодому крестьянскому кооперативу. Упирались, цены навбавляли... Но веселиновцы — народ упорный и тоже с принципами. До Софии дошли, а выдрили меня из лап акционеров.

Направляюсь в Веселиново. Это было триумфальное шествие! Вокруг митинги, песни, веселье. И злобные глаза помещиков, кулаков, полицейских.

Помню, вел меня тракторист Христо Колев. Молодой, горячий. В Ямболе, окружном центре, у моста через реку ему преградил дорогу полицейский.

— Не пропущу! Запрещаю коммунистическую пропаганду!

Я остановился. Собралась толпа.

— Зачем такому прекрасному советскому трактору мост? — ехидно сказал полицейский. — Он может и вброд.

— Не подкачай, друг! — прошептал мне Христо. И направил меня в воду. Что же? Я не подкачал. Когда я, отфыркиваясь, карабкался на другой берег, одной фарой я заметил убегающего полицейского. Он очень помог коммунистической пропаганде.

А в следующем году фашисты напали на Россию. Немецкие войска наводнили Болгарию, но в наших краях чувствовали себя очень неудобно. Всю действовал партизанский отряд «Смерть фашизму!». Основной базой его был наш, Веселиновский, кооператив. Отсюда уходила молодежь в горы, отсюда тайно переправляли им продовольствие, здесь же печаталась подпольная газета «Народен другар». И я участвовал в общей борьбе, агитировал, так сказать, за Страну Советов. Я был не один: со мной вместе трудился плуг с выразительной маркой: «Одесса. Завод имени Великой Октябрьской социалистической революции». Местные власти видеть нас не могли! Несколько раз приказывали уничтожить надпись на плуге. Ничего. Мои друзья, сокрушенно разводя руками, жаловались, что никакое зубило не берет эти буквы. Так и сохранилась марка до победного дня — 9 сентября 1944 года.

— Скажите, а сколько сейчас в хозяйстве тракторов?

— Тридцать шесть. Все советского производства.

— Это вместе с вами? Неужели вы в вашем почтенном возрасте продолжаете работать?

— Нет, что вы, — сказал трактор, по болгарской привычке закивав радиатором. — У меня судьба

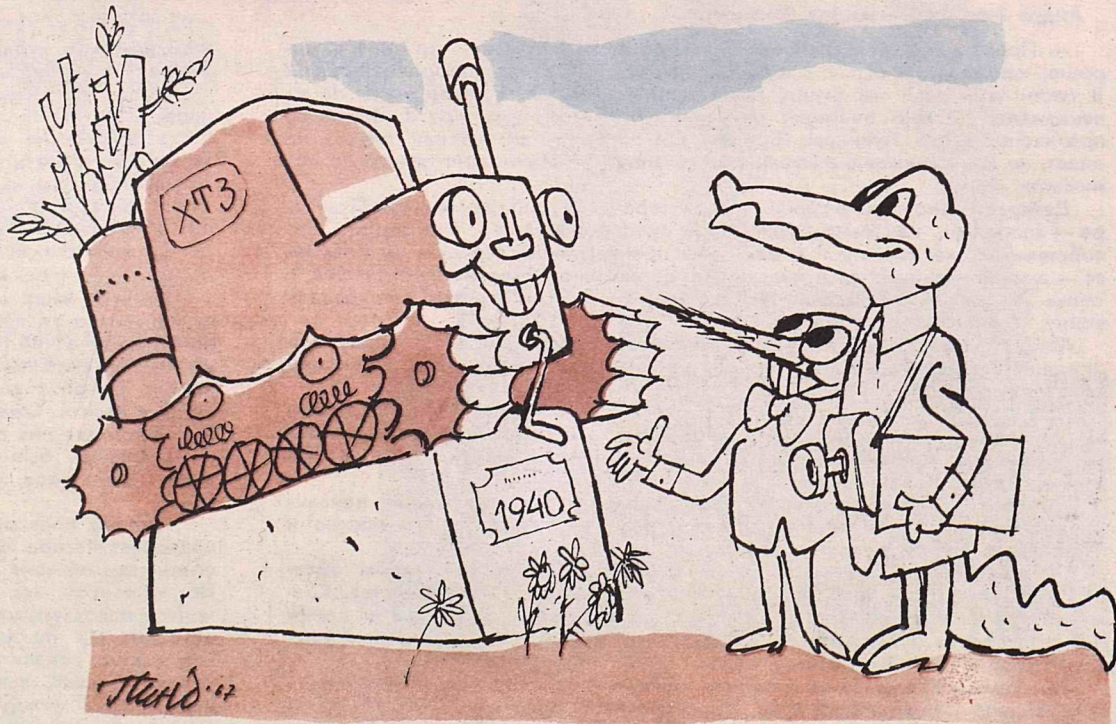

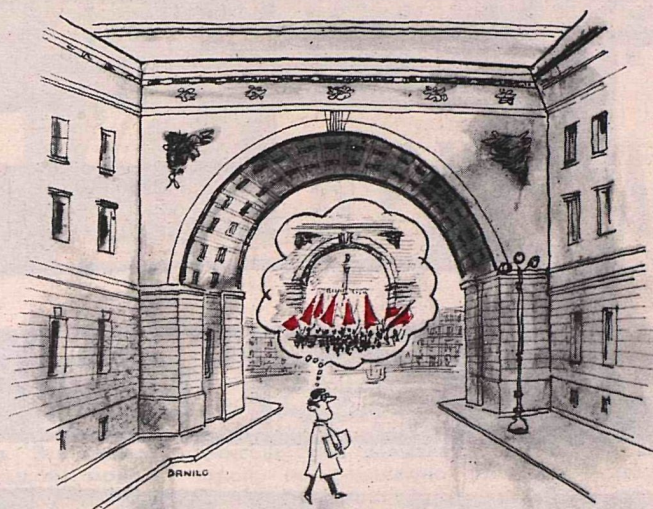
Рисунок Теню ПИНДАРЕВА

ДАНИЛО АКВИСТИ

(Италия)

DANILO

— Знаете, — говорит известный итальянский карикатурист Данило Аквисти, — мой отец был коммунистом и очень любил Россию. Поэтому всех своих детей он назвал русскими именами. И мое имя — Данила. Правда, «а» как-то само собой превратилось в «о», но, когда я приезжаю в Советский Союз, то чувствую себя вполне русским (не только из-за имени, конечно). Настолько русским, что позволил себе в этой маленькой подборке ленинградских рисунков подшутить над тамошними футбольными болельщиками, которые тяжело переживают последнее место «Зенита» и готовы встать на голову, чтобы увидеть его на первом. Во всяком случае, должен признаться: в Италии я вряд ли осмелился бы на такой рисунок: итальянские тиффози иногда теряют чувство юмора...

Зато за зонтик над Исаакиевским собором я не боюсь: не прикрыть такое чудо от дождя хотя бы на рисунке — просто грех. И уж подавно не стесняюсь того, что, проходя близ Дворцовой площади, вижу ее в мыслях такой, какой она была пятьдесят лет назад.

DANILO

Динамо М	40
Динамо К	37
Динамо	...
Спартак	...
Зенит	15

другая. К седьмому ноября будет готов специальный постамент, на котором я и буду красоваться как символ дружбы двух братских стран. А пока, если хотите, могу вас проводить, показать наше хозяйство.

Глава 3. Мне трудно

Сопровождаемые трактором, мы двинулись. — Скажите, товарищ трактор, а на чем специализируется ваше хозяйство?

— «Товарищ трактор» — уж больно официально. А у меня ведь имя есть. Еще в сороковом году окрестил меня народ «дядей Ваней», так зовут и сейчас. Мне нравится. А насчет специализации можете записать: пшеница, кукуруза, сахарная свекла, люцерна. Триста коров. Птицеводство. Пчелы. Овцы — шесть тысяч. По производству шерсти мы на первом месте в Болгарии. Фрукты. Овощи — двенадцать гектаров апельсинов. Хотите взглянуть?

Нам показалось, что из жаркой Болгарии мы перенеслись в Арктику. Прозрачные айсберги апельсинов уходили за горизонт. Внутри них, однако, была экваториальная жара. Мучительно захотелось покрыться листьями и зацвести. Мы быстро выскочили наружу.

— Ага! — сказал я. — А внутри-то ничего не растет. Показуха, да? Запишу-ка я в блокнот...

Теню толкнул меня в бок.

— Ты же называл себя знатоком сельского хозяйства! Разве тебе не известно, что овощи в наших апельсиновых садах выращивают с января по июнь?

Я покраснел, как экспортный помидор. Дядя Ваня деликатно отвернулся, поковырял гусеницей землю. Немного помолчав, сказал:

— Сто десять тонн помидоров с гектара собираем. Шестьдесят процентов идет за границу. В Советский Союз в том числе.

Мы осмотрели современную столовую, побывали в прохладном парке, на огромном стадионе, в библиотеке. Придаться было не к чему.

Дядя Ваня проводил нас на край веселиновских угодий. И тут я опять схватился за блокнот. Передо мной была целина — необъятное необработанное поле.

— Ваше?

— Наше.

— Рабочих рук не хватило?

— Нет, это мы нарочно. В честь юбилея Октября.

— Как вы сказали, простите?

— В честь юбилея Октября мы проводим соревнование на звание «Первый орач республики». «Орач» — по-вашему «пахарь». К нам съедут лучшие трактористы Болгарии. Отсюда будет дан старт. Десятки тракторов одновременно начнут прокладывать борозды. Там — финиш.

— Кто быстрее, значит?

— Не только. Качество вспашки, прямая линия — жюри все учтет.

Я захлопнул блокнот. Теню засмеялся.

Глава 4. Мне легко

Мы тепло распрощались с дядей Ваней. Он попытался, помагал фарами и неторопливо пополз обратно — в центр села, на свое почетное место.

— Понравилось? — спросил меня Теню.

— Очень. Только вот, понимаешь, беда: фельетона-то у меня не получается. Просто не знаю, некого критиковать.

— Как некого? — сказал Теню. — А ты самого себя покритикуй.

Он прав: ведь приехал-то я в гости, и негоже выискивать у радушных хозяев недостатки.

Я заглянул в блокнот. Там было несколько унылых пометок: «С первобытной техникой», «Оранжевые годные, а пустуют», «Огромные пространства неурожайной земли»...

Тогда, размахнувшись, я закинул свой блокнот далеко-далеко, на одну из голубых вершин Балканских гор.

И мне сразу стало легко. Черт с ним, с фельетоном!

Гансгеорг
ШТЕНГЕЛЬ
(ГДР)

ОСТРОВ ЮРА

Греческие монархо-фашисты превратили остров Юра в гигантский концлагерь для демократов и борцов Сопротивления.

Старинный утверждает документ:
Карал восставших Сулла здесь сурово...
Хоть грустное свидетельство не ново,
Но для иных — прекрасный прецедент.

Тянул от прошлых беззаконий нить
Взбесившийся коричневый диктатор:
Ефрейтор Гитлер, тайный плагиатор,
Решил зловещий опыт повторить.

Он Грецию, чужой, далекий край,
Прибрал к рукам, нещаден и неистов,
И тысячам борцов-антифашистов
На Юре распахнул нацистский «рай».

И ныне Юра * с правом не в ладу,
И снова здесь закона нет и права:
Здесь вместо права — скорая расправа,
Здесь право на бесправье и беду.

Сомкнем ряды — и я, и ты, и вы:
За правду и свободу все в ответе,
Пока фашизм грозит еще планете
И гитлеры и суллы не мертвы!

* «Юра» — по-немецки «право».

Сэм РАССЕЛ
(Англия)

ЧЕЛОВЕК С ЗОНТИКОМ И «МАГИЧЕСКИМ КРИСТАЛЛОМ»

В 1937 году, в самый разгар замешательства, вызванного намерением короля жениться на простолюднике и к тому же разведенной, ушел в отставку старый премьер-министр Болдуин. На его место сел человек, зарекомендовавший себя никудышным фермером и посредственным муниципальным деятелем города Бирмингема. Что касается внешности, то, по словам одного из его коллег, он «ничуть не отличался от провинциального фабриканта никелированных кроватей».

Таков был деятель консервативной партии Невиль Чемберлен, ослабивший себя перед всем миром как человек, выдавший Гитлеру Чехословакию, творец политики умиротворения фашизма, которая прямехонько привела ко второй мировой войне.

Как сказал один британский газетчик тех времен, Англия получила премьера, который «носился с зонтиком в руке и занимался болтовней с противником». По его милости слово «умиротворение» стало крылатым, а зонтик — символом одного.

Впрочем, если быть точным, то «человеком с зонтиком» Чемберлен стал благодаря одному карикатуристу, который и превратил это невинное прикрытие от дождя в символ капитуляции перед фашизмом.

Для карикатуристов той эпохи отличительной особенностью Гитлера были его усики, Муссолини — выпяченный булыжный подбородок, Болдуин — трубка. И хотя у Чемберлена были и усики, и выдвинутый подбородок, и трубка, никто, казалось, не замечал ни того, ни другого, ни третьего. Зонтик — вот что стало символом этой малопривлекательной личности.

Но, помимо зонтика, Чемберлен носил при себе еще один предмет, никому не ведомый и не замеченный даже самыми востроглазыми карикатуристами. Это был, да-да, не удивляйтесь, «магический кристалл», такое волшебное приспособление, с помощью которого оракулы предсказывают будущее.

Лишь совсем недавно обнаружилось, что «отмочил» Невиль Чемберлен 24 сентября 1938 года, когда вернулся из Годесберга с окончательными условиями Гитлера для «урегулирования судетского вопроса». В величественную резиденцию британских премьер-

министров на Даунинг-стрит, 10, он призвал не кого-нибудь, а испитую, хриплую ясновидящую по имени Вера Вудраф и проконсультировался с нею относительно будущего Европы. Эта дама была тогда в большой моде, с ней регулярно советовалось «высшее общество», желавшее знать, что предсказывают звезды.

Увы, сын ясновидящей, который недавно предал огласке этот колоритный эпизод, не сообщает, что же именно его матушка напорошила премьер-министру. Так что мы не знаем, по ее ли совету или по собственному разумению Чемберлен, вернувшись в Мюнхен, вступил в сделку с нацистами и предал Чехословакию.

Кровь стынет в жилах, когда вспоминаешь, что этот английский политик, стоя на пороге войны, держал в руках не планы создания антигитлеровского союза, а замусоленные гадалочные карты и глел в «магический кристалл» пьяной пророчицы, прежде чем заглянуть в зрачки Гитлеру.

Правда, как мы знаем, фюрер третьего рейха тоже консультировался с собственными астрологами, но вышло так, что звезды в конце концов надули и германского фюрера и британского премьера.

Тем не менее буржуазная печать превозносила Чемберлена как человека, «принесшего миру мир». В продаже появились куколки, изображавшие Чемберлена, а в витринах кондитерских — сахарные зонтики. Остается только пожалеть, что слишком скоро эти милые игрушки разлетелись вдребезги вместе с осколками витринных стекол: началась война, путь которой расчистил «миротворец» с зонтиком.

Он сыграл самую жалкую роль в истории капитуляции западного мира перед фашизмом. В течение трех роковых лет — с 1937 до 1940-го — Невиль Чемберлен олицетворял собою британскую буржуазию, убежденную в том, что ей самим господом предписано процветать и жиреть на эксплуатации своего народа и сверхэксплуатации колоний британской империи, где, как хвасталась буржуазия, «солнце никогда не заходит».

То, что Чемберлен ненавидел социализм и Советский Союз, хорошо известно и полностью подтверждается документами. Еще в 1924 году он возражал против на-

лаживания торговых отношений с Советским Союзом. В том же году на парламентских выборах он использовал «на всю железку» состряпанную Форин оффисом антисоветскую фальшивку, без которой, по признанию биографа Чемберлена, «он наверняка бы провалился на выборах».

Его пылкое желание сесть за стол с Гитлером отражало его ненависть к Советскому Союзу, которая отлично соседствовала в его сердце с ненавистью к простому народу Британии. Эти чувства он не раз демонстрировал на деле.

Так, в бытность свою министром финансов в 1926 году, когда уделом английского трудового люда была массовая безработица и голод, Чемберлен сочинил закон, согласно которому местным властям запрещалось расходовать налоговые поступления для помощи беднякам.

Казалось бы, после истребления десятков миллионов людей, после газовых камер, концлагерей, бомбежек и пожаров ни у кого на земле не повернется язык сказать слово в защиту Чемберлена и его политики умиротворения фашизма.

Однако, сколь ни странно, в последние годы среди консерваторов наметилось движение за реабилитацию человека, виновного в мюнхенском сговоре. А возглавляет это малопочтенное движение лорд Хьюм, который в дни своей молодости сидел рядом с Чемберленом в Мюнхене, а затем стал министром иностранных дел и премьер-министром.

Хьюм защищает Чемберлена потому, что тот, дескать, «провидел в коммунизме главную далеко идущую опасность» и что, «ненавидя Гитлера и германский фашизм, он в то же время чувствовал, что Европа вообще и Англия в частности подвергаются еще большей угрозе со стороны коммунизма». «Гитлер был злодеем, — продолжает лорд Хьюм, — но на каком-то коротком промежутке времени с ним стоило и можно было иметь дело с тем, чтобы поставить его под контроль. Однако Чемберлен слишком поздно понял, что Гитлер был сумасшедшим».

Итак, если верить Хьюму, этому преданному ученику человека с зонтиком, Чемберлен ошибся лишь в одном: он не понял, что Гитлер — психопат. А вот будь

фашистский диктатор в норме и согласился он на сделку с британским империализмом за счет Советского Союза, все было бы прекрасно, доказывает Хьюм.

Стремление к сделке с Гитлером проходит красной нитью через всю служебную карьеру этого британского премьер-министра, предавшего и Англию и Чехословакию. Вот маленький, но характерный пример. В 1936 году, когда Чемберлен заверял своих друзей в том, что он терпеть не может Гитлера и его окружение, он сам сдал свой большой лондонский дом Риббентропу, тогдашнему гитлеровскому послу в Лондоне, объяснив, что преследует при этом лишь «чисто экономические цели».

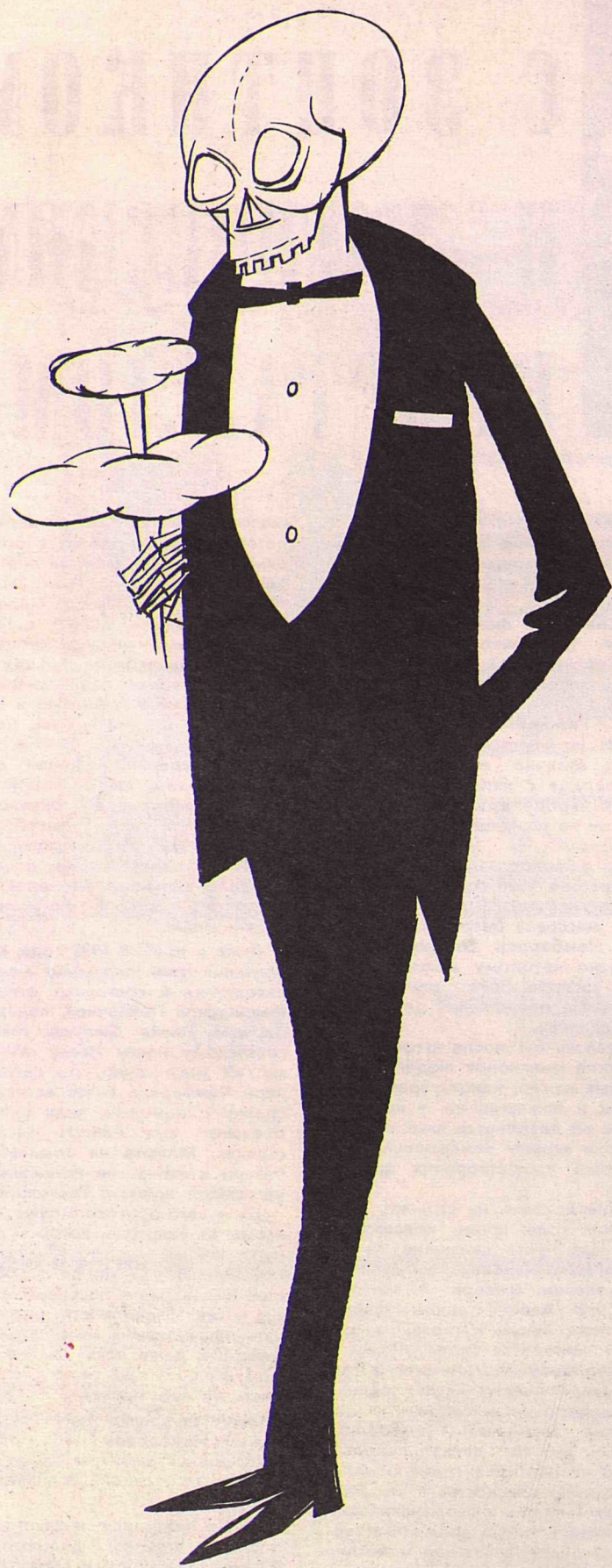
Даже в ноябре 1939 года, когда Британия уже несколько месяцев находилась в состоянии войны с фашистской Германией, лидер либералов Ллойд Джордж говорил советскому послу Ивану Майскому: «Я знаю точно, что даже теперь Чемберлен готов вступить в сделку с немцами, если они пообещают ему напасть на вашу страну... Можете не сомневаться, что он и сейчас не помышляет о настоящей войне с Германией».

Да и чего другого можно было ждать от человека, который накануне войны писал: «Я должен признаться, что питаю глубочайшее недоверие к России. Я не верю в ее способность организовать эффективные наступательные действия, даже если бы она того и захотела. И я не верю в искренность ее побуждений».

Остается только выяснить, сделал ли Чемберлен это глубокомысленное заявление после свидания со своей ясновидящей или до него.

Но не требуется никакого магического кристалла для того, чтобы разглядеть, что и сегодня, так же как и тридцать лет назад, ученики Чемберлена и духовные наследники его «зонтика» — я имею в виду сторонников умиротворения германского милитаризма — ставят интересы своего класса выше интересов Британии.

Английский народ, который вместе с другими свободолюбивыми народами разрушил надежды всех, кто пытался отсидеться под этим «зонтиком», без сомнения, еще вынесет свой приговор по делу наследников и преемников Чемберлена.

Джентльмен с букетом.

Рисунок Владимира ХЛАВИНА
(Чехословакия)

Ганс ЗАЙФЕРТ
(ГДР)

ВИД ИЗ ОКНА

Наша редакция расположена так, что из нее многое видно. Стоит только выглянуть из углового окна на четвертом этаже, и перед глазами открывается солидная панорама истории Германии. Эта панорама действительно настолько достопримечательна и интересна, что я хочу попытаться, уважаемые читатели «Крокодила», показать вам хоть некоторые ее фрагменты.

Тумана нет, поэтому вы видите на заднем плане панорамы, на территории Западного Берлина, Бендлерштрассе. Эта улица примечательна тем, что во времена кайзера и Гитлера господа генералы из верховного главнокомандования проявляли здесь самую бурную и безудержную активность. Словно гейзер, Бендлерштрассе без устали извергала секретные приказы о подготовке мобилизаций и шифровки о наступлениях.

Вояки с Бендлерштрассе держат своего рода рекорд — до сих пор еще никто не потерпел в относительно короткий срок такого количества поражений. (Правда, нужно отметить, что Пентагон прилагает сейчас все усилия к тому, чтобы отобрать у Бендлерштрассе пальму первенства.)

Но оставим в покое эту улицу с ее окружением и обратимся к видам более отрадным. Например, антифашистскому защитному валу. Его высота едва достигает 2,5 метра, но его сегодня видно даже из Америки. К тому же он отлично сделан, свидетельством чего является уже тот факт, что на нем нет повреждений, хотя реваншисты и милитаристы из Бонна и Западного Берлина неоднократно стучались о него лбами.

Взглянем чуть правее. Там, у самой государственной границы, виден едва приметный, невзрачный холмик, расположенный среди заросшего травой пустыря. Здесь когда-то находилась имперская канцелярия фюрера, а под холмом — пресловутый бункер, откуда бесноватый ефрейтор отправился прямо в ад, когда от нацистского рейха осталось не больше половины квадратного километра.

Холмик невелик, да и почва здесь далеко не лучшая, но реваншистам не терпится использовать его как фундамент нового рейха.

Чуть правее, так сказать, ультраправее, сразу же за защитным валом, стоит здание рейхстага. Время от времени вопреки международным соглашениям и здравому смыслу здесь собираются идеологические последователи коричневых обитателей бункера и генералитета с Бендлерштрассе. Их лихорадочные речи свидетельствуют о том, что они до сих пор не поняли, что произошло пятьдесят лет назад в Петрограде. Не поняли и того, что произошло в 1945 году в Берлине. Они ведут себя так, будто ничего не изменилось, как не изменились воды Шпрее, которая как раз протекает рядом, всего в нескольких метрах от рейхстага.

Теперь взглянем назад, туда, где по соседству с редакцией, на переднем плане, возвышается здание Центрального правления Общества германо-советской дружбы. Его местоположение симптоматично не только при взгляде из окна нашей редакции. Ведь дружба с Советским Союзом повсюду в ГДР стоит на первом плане.

Янки во Вьетнаме

Рисунок ЛЕ ВАН ХИЕПА (ДРВ)

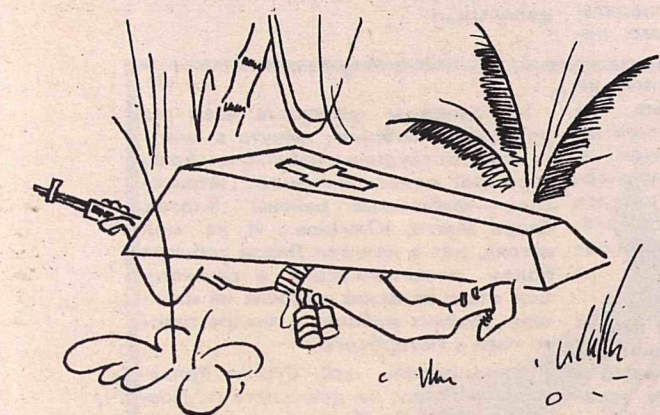

Рисунок БЕЛА БОРОША (Венгрия)

остылях.

Рисунок ПЯК ИН ГЮНА (КНДР)

Фотомонтаж Иордана ПОПОВА (Чехословакия)

ИНОСТРАНЕЦ ЛИ Я?

В Польше все польское: и дома, и деревья, и люди, а польский поезд мчит со скоростью света, но все равно прибывает на место строго по расписанию, а не раньше. Это трудно объяснить, это колдовство, железнодорожная магия. Вокруг — Польша, и в вагоне — приятнейшее общество, которое наперебой угощает русского гостя и развлекает разговором. Этот освобождал вместе с нами Варшаву, тот «старший пан» с лихими усами тоже брал Берлин, а невероятно «элегантка» пани была сестрой милосердия в нашей дивизии.

Лодзь...

Не каждый город может похвалиться тем, что у него есть свое лицо. Лодзь может. Если бы я был поэтом, я определил бы это лицо так: глаза — это площади Свободы и Независимости; волосы — это фабричные трубы, а уста — это, понятно, главная лодзинская улица, Пётрковска. Она говорлива и прекрасна, как уста польской женщины, а польская женщина, пусть знают об этом лодзжане, самая красивая женщина в мире.

На Пётрковской можно простоять всю жизнь, и не надоест. На этой улице можно родиться, получить низшее, среднее и высшее образование, жениться, развестись и опочить, ибо на этой улице все есть: и родильные дома, и школы, и загсы, и магазины, и кафе, и никто не знает, что еще.

Поскольку все жители здесь всегда куда-нибудь торопятся, они придумали кафе. Это очень удобно. Можно назначить свидание, скажем, в среду и пойти туда в пятницу. Будьте уверены, в любой день вы найдете нужное вам лицо. Мне рассказывали страшный случай, как двое очень молодых людей назначили свидание в кафе «Хоноратка». Она прибежала туда взволнованная, румяная от быстрого бега.

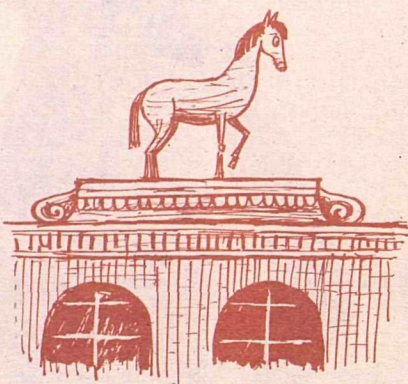
— Вацек! — воскликнула она в ужасе. — Ты все еще ждешь меня? Познакомься, этот пан — мой муж, а это наши дети, Малгожате уже шестой пошел...

Сидеть в кафе — это величайшее искусство. Можно в течение пяти лет изучать профиль и фас гостеприимной барменши, подающей вам четвертую цистерну чая. Вообще же, польское гостеприимство первоклассно и осуществляется по закону «гость в доме — бог в доме...»

* * *

Я обидел бы Лодзь, сказав, что только Пётрковска потрясла мое воображение. Меня водили на улицу Коперника, где на крыше одного дома помещается конь, настолько похожий на живого, что волосы встают дыбом. Лодзь очень гордится своим конем, и все мои новые друзья обязательно приводили меня к нему. Существует даже небольшой ритуал осмотра животного, облаченного в камень. Сопровождающие лица должны в молчании застыть чуть поодаль от гостя, дабы тот мог вдо-

стать насладиться неопишным зрелищем. Позволять тихие вскрикивания: «Колоссально!», «Захватывающе!», «Смотрите, смотрите, но он же живой! Ах...».

Так продолжалось, пока один мой новый друг не вспомнил, что уже водил меня к коню.

— Позвольте, — сказал он с подозрением. — Но ведь вы здесь уже были!

— Ничего, — легко нашелся я. — Этим конем можно любоваться всю жизнь... Но давайте все-таки вернемся на Пётрковскую.

* * *

Пётрковска начинается площадью Свободы, на которой, очевидно, тоже наличествует все плюс исторический колодец, где поили когда-то лошадей, отправляясь в скрипучий рыдванный путь на край света, допустим, в Пётркув, отстоящий от Лодзи на целых семьдесят километров. Ехать можно было только до десяти вечера. После десяти, отзвеневших на ратушной башне, продвигаться по главной магистрали было небезопасно как с эстетической, так и с чисто уголовной стороны. Тот путник, что избегал потока миазм, низвергавшихся на него с верхних этажей (так вплоть до гремучего XX века осуществлялась коммунальная канализация), почти неизбежно попадал в руки мазуриков, устраивавших ему своеобразный стриптиз...

Днем же путник проезжал мимо отелей «Монополь», «Метрополь», «Феникс». Любопытно отметить, что в одном из них сохранился исторический документ — счет, предъявленный администрацией отеля некоему сановному посетителю, прибывшему для расправы с местными повстанцами-революционерами. Все пункты (подача шоколада в постель, белье и т. д.) князь, что называется, «подмахнул» без колебаний, зато в рубрике «Ванна» с возмущением написал: «Неправда! За все три месяца ванны ни единожды не принимал»...

Немытый усмиритель обитал в «Монополье», а десятку шагами далее на старом доме ви-

сит табличка, повествующая, что на перекрестке улиц Восточной и Полудневой была построена первая баррикада: кровати, матрасы, детские коляски летели прямо из окон на перекресток, и на баррикаде с одной стороны стояли мои братья, а перед баррикадой стояли другие мои братья, посланные нечистыми князьями усмирять, не допускать, пресекать... Утираюсь батистовым платком, князь скомандовал: «Пли!» Но напрасно он надсаживал голосовые связки. Отказались стрелять братья в братьев. Тогда царские генералы приказали расстрелять каждого десятого русского солдата.

Они спят теперь вечным сном на старом кладбище. Скромные эти холмики, но много на них цветов до сих пор. Зато поросла быльем и бурьяном дорога к чугунному сиволапому кресту, под коим покоится «Ататоллий Никандрович Костецкий, помощник пристава Лодзинской полиции. 1908 год».

Так ему и надо.

Пройдемся лучше налево, к памятнику Айры Олдриджа. Великий негритянский актер, друг Шевченко и друг Лодзи. К нему тоже не зарастает тропа, и мы идем по ней мимо усыпальницы лодзинского фабриканта Карла Шайблера. Ручаюсь, другой такой нет на свете, по габаритам она приближается к Аахенскому собору. Могли, позволяли себе лодзинские купчики-миллионеры. Гуляя, как хотели. А теперь в замке одного из тутошних богатеев — музей живописи. Для всех.

Мимо музея — опять к площади Свободы. Гордое, красивое слово, и я, стоя на этой площади, горд тем, что добыта свобода общей кровью, русской и польской. Как при Грюнвальде, так и в 1905-м, и в семнадцатом, и в сорок пятом. И с тех пор ратушные часы с удовольствием отсчитывают новое время — дружбы,

мира, процветания и взаимной поддержки...

Кстати, о ратушных часах. Давно ли, кажется, было время, когда начальник Лодзинской станции негодовал: «Установлено, что гг. пассажиры прибывают на вокзал уже тогда, когда поезд ушел. Происходит же сие потому, что гг. путешествующие ориентируются по городским часам, которые опаздывают зачастую на целый час. Впредь хотелось бы, чтобы гг. пассажиры сверяли время не по ратушным часам, но по станционным...»

* * *

Но однажды ратушные часы не опоздали. Наоборот, минута в минуту они разбудили набатным боем «красный пояс» шикарной Пётрковской — фабричные районы Видзев, Старе Място, Юльянов... И, на мой взгляд, нет в истории Лодзи события более романтического и славного, чем ответ польских рабочих на избивание русских рабочих в январе пятого года в Петербурге.

Март, апрель, май: бурлит пролетарская Лодзь, не дает спать гг. Познанским, Шайблерам, Гейерам, Квятковским и самому начальнику станции. Июнь: бастуют все крупнейшие предприятия. Тридцать, пятьдесят, семьдесят тысяч бастующих. И, наконец, вырастают вокруг первой баррикады еще пятьдесят... И уже идет по всей Лодзи вооруженное восстание, о котором писал Ленин: «Не только новый образец революционного энтузиазма и героизма, но и высшие формы борьбы...»

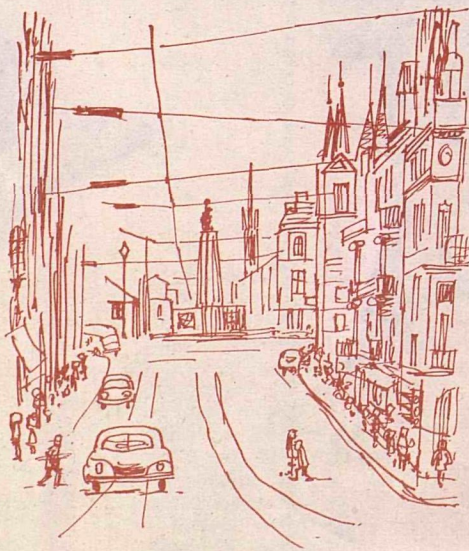
С тех пор и пошло революционное братство, скрепленное взаимной поддержкой.

Дальше по Пётрковской.

Налево чрезвычайно симпатичный магазинчик «Крокодил». Правда, торгуют там не острожными вилами, а изящными дамскими сумками. И совсем недалеко могучие текстильные комбинаты имени Дзержинского, Мархлевского, 1 Мая. Они питаются хлопком, который я по-братски привез им с моих полей.

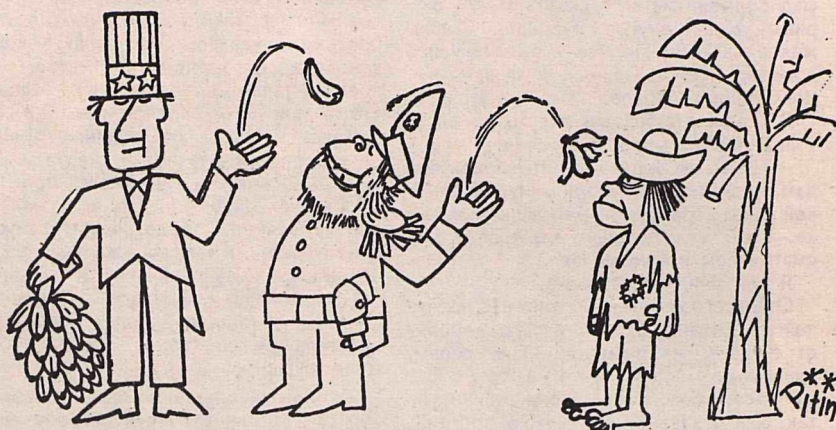
Великолепно кафе «Гранд», и уютна «Хоноратка», куда приходят бородатые художники порассуждать об «унизме» и «поп-арте». Но, вынув изо рта боцманские трубки, художники вдруг рассказывают мне, что проектная документация для ВИФАМА — завода текстильных машин — по-братски передана польским рабочим советскими конструкторами. И у нас на душе светло, потому что дружеский свет в электролампах зажегла новенькая лодзинская ТЭЦ, где плечом к плечу с польскими машинами трудится и сибирская турбина.

И когда акварелево-палевым вечером я выхожу на танцующую огнями Пётрковскую совершить свой вечерний променада, или, как здесь говорят, «дептак», я и в самом деле всерьез начинаю задумываться: может ли быть иностранцем брат, приехавший к брату в гости?..

Зарисовки
Кароля БАРАНЕЦКОГО

Рисунок ПИТИНА (Куба)

«Союз ради прогресса»

Гарри ФРИМЭН
(США)

СЛИШКОМ ДОРОГО

На днях я узнал, что цена автомобиля «Крайслер империэл» поднялась на двести тридцать пять долларов. Меня, признаться, эта новость особенно не взволновала. Очевидно, люди, которые могут позволить себе купить «Крайслер», как-нибудь наскребут еще пару сотен долларов. А если и не наскребут, бог с ними. Кто станет рыдать над бедным владельцем «Крайслера», если даже кредиторы вывезут у него из гаража неоплаченное хромированное чудовище?

Как-то у Джона Пирпонта Моргана спросили, во что обойдется содержание яхты такого же класса, что его «Корсар». Банкир взглянул на собеседника и сказал:

— О, вам это не по карману.
— Почему?

— Видите ли, тот, кто задает вопросы о цене, уже не может быть владельцем хорошей яхты.

Подобно девяноста девяти процентам американцев, я не собираюсь покупать «Крайслер империэл» или же строить себе небольшую, на несколько сот тонн яхточку с позолоченными кранами в ванной. Но меня беспокоят цены на другие вещи.

Я, например, с детства приобрел скверную привычку есть три раза в день. Однако по нынешним временам привычка эта стала столь обременительной для кармана, что я уже совсем было решил отказаться от нее. Но тут на глаза мне попался последний правительственный анализ цен. Анализ успокоил меня, поскольку он гласил, что цены на продовольствие растут всего на три процента в год. Вне себя от радости я принес анализ жене, которая отвечает за наш семейный бюджет.

— Три процента? — недобро ухмыльнулась жена. — Может быть, на Луне? Вот, смотри!

С этими словами она подвинула ко мне целый ворох счетов. Я не спорил. Ведь в магазин все-таки ходит жена, а не правительственная электронно-счетная машина. Конечно, жена считает медленнее машины, но зато надежнее.

В поисках истины я отправился к владельцу местного продовольственного магазина и спросил его, почему фунт ветчины стоит теперь на двадцать центов дороже, чем год назад.

— Мой друг, — сказал он мне вежливо, — мы получаем очень скромную прибыль. Если вы хотите услышать ответ на ваш вопрос, позвоните в один из мясокомбинатов, которые снабжают наш магазин.

После того как мною, словно мячиком, с полчаса поиграли в телефонный теннис, я наконец дозвонился до вице-президента комбината, ответ-

ственного за успокоение него-дующих покупателей.

— Это так вы строите «великое общество», обещанное нам президентом Джонсоном? — спросил я.

— Конечно, сэр. Разве вы не видели наше официальное сообщение о росте прибылей за последний квартал?..

Получив такой ответ, я задался другим вопросом. Чтобы разжевать это подорожавшее мясо, нужны зубы, а у меня их, признаюсь, остается все меньше и меньше. Я отправился к зубному технику, чтобы вставить себе искусственные зубы. Боль была ужасная, счет — еще страшнее. Черным по белому в нем стояло: две тысячи триста долларов. Десять лет назад такая операция стоила бы вдвое дешевле. Но в то время, увы, у меня еще были натуральные зубы.

— Что делать! — развел руками зубной техник. — Плата за аренду помещения выросла на сорок процентов, а стоимость материалов — еще больше.

Официальные данные гласят, что стоимость медицинского обслуживания выросла за последнее десятилетие на сорок процентов, а пребывания в больнице — на девяносто процентов.

Или взять, например, другую скверную привычку, от которой я никак не отучусь, — каждый день ездить на работу. Двадцать лет назад я платил пять центов, спускался в нью-йоркскую подземку и ехал куда мне было нужно. Столько же стоил и автобус. А поскольку дорожает все, подорожали и транспортные удовольствия: пять, десять, пятнадцать, двадцать центов за билет.

Цены растут на все: мужская стрижка стала стоить больше двух долларов, а стоимость годового обучения в колледже — больше двух тысяч. Наверное, это и есть «великое общество».

У меня есть друг, который решил заблаговременно позаботиться о том моменте, когда ему придется покинуть наш грешный мир. Я отправился вместе с ним к одному нью-йоркскому гробовщику. Нам любезно показали замысловатые бронзовые гробы, многотысячная цена которых казалась невероятной. Мой друг сказал:

— Я не Морган и не Рокфеллер. Покажите мне самый простенький ящик из вашей коллекции.

— О'кей, — сказал гробовщик, — вот этот сосновенький стоит пятьсот долларов.

— К чертовой матери! — ответил мой друг. — Два года назад такой вот точно гроб стоил двести долларов. Так что я передумал. Не стану умирать!..

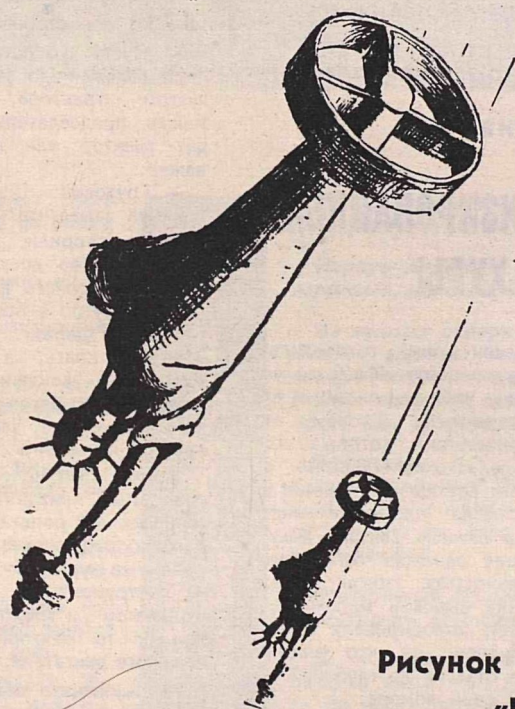
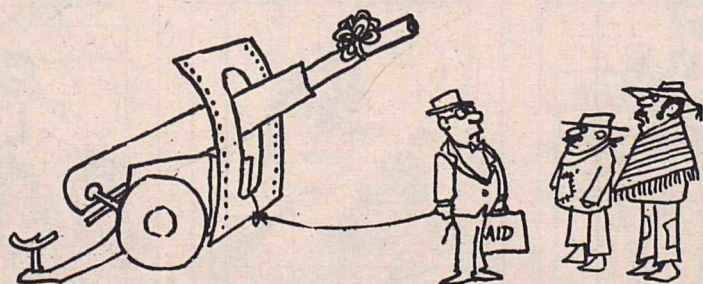

Рисунок из газеты
«Юманите»

АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ

— Красивая вещь, сэр, но что-то она не похожа на трактор.

Рисунок из газеты «Канадиен трибюн».

Дьердь ФЕЛЬДЕШ (Венгрия)

ПРОРОК

Ему едва исполнилось восемнадцать лет, когда длинный воинский состав унес его от Мари, долго махавшей вслед белым платочком. Эту картину Янош Домонкош увез в своей памяти на войну: невеста со слезами на глазах машет белым платочком.

Больше недели стучали под ним колеса поезда, и солдаты днем и ночью говорили о мире, а не о войне, к которой они приближались.

— Война окончится, пока мы до нее доберемся, — с великой уверенностью утешал товарищей Янош Домонкош на восьмой день пути.

Тогда еще никто не думал, насколько он окажется прав. Поезд то стоял, то мчался, временами замедляя ход, пока на девятый день утром неожиданно не остановился в чистом поле. Состав окружили русские солдаты.

Так без единого винтовочного выстрела Янош Домонкош попал в плен. Тогда-то и пристала к нему кличка «Пророк». Сначала его просто называли «Янош, который пророк», а потом стали звать Яношем Пророком, будто и не было у него честной фамилии Домонкош.

Войне-то конец не настал, но то, что Янош Пророк обещал на восьмой день, на самом деле исполнилось: для них война кончилась — они не должны были стрелять в других, и в них никто не стрелял. Еще долго ехали они в бесконечную даль, пока за ними не закрылись ворота ташкентского лагеря военнопленных.

Минуло время, и в лагерь дошла весть, что крестьяне, рабочие и солдаты в Петрограде взяли Зимний дворец. В России революция!

Однажды появился в лагере молодой боец за Советскую власть — Петр Петрович Прохоров — и спросил у Яноша Пророка:

— Хочешь, чтобы твоя родина стала свободной?

— Хочу, — ответил Янош Пророк.

— Тогда борись вместе с нами за победу революции.

Так Янош Пророк добровольно вступил в венгерский полк, чтобы в рядах Красной Армии сражаться против интервентов.

— Видишь, Пророк, — сказал ему один венгерский приятель, — выходит, что плохой ты пророк. Снова угодил на войну.

— Это не такая война, как та. Это справедливая война! — ответил парень.

— Откуда ты это взял?

— Петр Петрович объяснил.

С годами дружба Петра Петровича и Яноша Пророка становилась теснее.

— Красивое имя Петр, — как-то сказал Янош.

Круглое, румяное лицо Петра Петровича стало еще круглее от улыбки.

— У нас Петров больше, чем у вас Яношей. Когда мир, Петры — хорошие рабочие, когда война — хорошие солдаты.

Говорил он медленно, раздельно, простыми словами, чтобы Пророку, который все лучше разбирался в языке, было легче его понять. Многому научился Янош у Петра Петровича, от него впервые услышал имя Ленина и постепенно начал смотреть на мир иными глазами. А когда прогнали интервентов и закончили гражданскую войну, Янош вернулся в Венгрию.

Верная Мари ждала Яноша в той деревне, откуда его унесла война. Они поженились, и через год у них родился сын.

— Что ты скажешь, Мари, если мы назовем сына Петром?

— Я думала назвать его Тибором, — ответила жена. — Но коли хочешь, пусть зовется Петром.

— Там, в России, много Петров. Хорошо, если б и у нас их было больше, — тихо произнес Пророк и погладил сынишку. — Вот увидишь, Мари, когда он вырастет, будет и у нас рабочая власть!

Так во второй раз сбылось предвидение Яноша Пророка.

Феликс ДЕРЕЦКИЙ (Польша)

БУЛОЧКА

Я в первый раз отправился в Москву. Сами понимаете, как я радовался предстоящей встрече. Я намеревался беспристрастно сравнить две столицы, но втайне мечтал, что сравнение окажется в пользу Варшавы.

Взять хотя бы проблему городского транспорта. Москва, как известно, в четыре-пять раз больше Варшавы, стало быть, и проблема эта должна здесь быть во столько же раз острее. Метрополитен метрополитеном, но, логично рассуждая, в московских троллейбусах давка должна быть значительно сильнее, чем в варшавских. Вот почему, когда я увидел первый отходящий от остановки троллейбус, во мне зыграла варшавская кровь. Хорошо тренированными движениями я растолкал людей, стоявших на асфальтовом острове, ловко прыгнул в еще не совсем захлопнувшуюся дверь и повис между салоном и мостовой.

Но внезапно послышался голос водителя:

— Гражданин, что вы делаете? Войдите в троллейбус.

Дверь приоткрылась, и я вошел

внутрь, с разочарованием обнаружив, что там сколько угодно свободных мест. Пассажиры посматривали на меня с интересом.

Я был вынужден признать первую неудачу, однако не потерял надежды. Проходя мимо магазина, торгующего радиоприемниками, я сквозь стекло витрины увидел внутри очередь. Я вбежал в магазин, кинулся к прилавку и с криком: «Кто последний, я за вами!» — пристроился к толпе.

Я стоял с победным видом, но вдруг толпа передо мною рассосалась.

— Если вы хотите купить приемник, вам лучше подойти к прилавку, — с улыбкой сказал гражданин в рубашке-ковбойке. — Мы не в очереди, мы просто рассматриваем новые модели.

Я выскочил из магазина.

От расстройства я закурил и с надеждой на реванш бросил пустую коробку от сигарет на тротуар, но, к своему удивлению, попал прямо в урну. Это же просто безобразие: поставили урну так, что человеку невозможно пройти...

Усталый и обескураженный, я почувствовал голод. Увы, без всякой очереди я купил в ближайшей булочной аппетитную, ароматную булочку, вышел на улицу и стал с наслаждением ее уплетать. И тут наконец мое сердце возгордилось. Я держал в руках доказательство превосходства Варшавы над Москвой. В варшавских булочных после борьбы на страницах прессы хлебные изделия заворачивают в бумагу.

Минжахайн ГУРСЭД (Монголия)

МЕХАНИЗИРОВАННЫЕ МОРИН-ХУРЫ

Целый месяц они готовились к праздничному концерту. Их было человек тридцать — чабаны, пастухи, строители, трактористы... Словом, люди почти всех профессий, которые можно встретить в сельскохозяйственном объединении. Они составляли хорошо слаженный ансамбль народных инструментов. Даже важные деятели искусства, приехавшие однажды ознакомиться с самостоятельностью, забыли о возложенной на них высокой миссии и, не жалея ладоней, аплодировали вместе с публикой. Мудрено ли, что участники ансамбля без отдыха, до глубокой ночи репетировали свои номера.

Когда до праздника оставалось всего две недели, ансамбль уже подготовил свою программу, и руководители объединения решили устроить просмотр концерта.

В зале клуба за длинным столом, покрытым красным сукном, расселись ответственные зрители. Артисты старались изо всех сил. Из-за сцены через узкую щель неотрывно следил за зрительным залом сам заведующий клубом. По тому, как сидящие за столом улыбались и перебирались оживленными фразами, он заключил, что программа удалась. И только в конце концерта с трепетом заметил, как председатель объединения заерзал, что-то записал в блокнот и нахмурился.

Когда началось обсуждение, председатель открыл блокнот и сказал:

— В основном, по-моему, программе следует одобрить. Но есть маленькое замечание... Надо, чтобы искусство глубоко отражало жизнь нашего объединения. Правильно я говорю?

Послышались возгласы одобрения. Уверившись в общей поддержке, председатель величественно потер лоб и продолжал:

— Между тем этот старый моринхур (он протянул руку к стороне одного из народных инструментов) увенчан конской головой! Подумайте только: конской головой! Это же вчерашний день! У нас теперь все делают механизмы. А в табуне — дикие кони, к их спинам ничто и никто, кроме степного ветра, не прикасался. Подумать только: конская голова — и на решающем участке музыки! По-моему, хур следует переделать.

— Правильно! — поддержали сидящие по обе стороны председателя.

— Пусть хур остается хуром, а конскую голову надо заменить хотя бы силуэтом трактора, — развивал свою мысль председатель. — Гусеничный будет трактор или колесный — это неважно.

— Грузовик изобразить надо! — крикнул заместитель председателя.

Долго спорили, трактор или автомашина более достойны увенчать хур и как переделать форму этого инструмента. Наутро в правление был вызван резчик по дереву. Ему было велено ночей не спать, а срочно изготовить три хура, увенчанных трактором, и пять хуров с автомашиной (два — с легкой, такой же, как у председателя, и три — с грузовой).

Приказ был исполнен в срок, и перед самым праздником была назначена генеральная репетиция. Председатель с гордостью посматривал на механизированные хуры. Музыканты взяли в руки инструменты... и клуб огласился скрежетом и грохотом, напоминающим рев не то тракторного, не то автомобильного двигателя.

— Выключите зажиг... то есть прекратите! — крикнул председатель.

Он решил, что во всем виноваты старые хуры, не поспевающие за ростом технического оснащения его хозяйства.

Эрих ШМИТТ (ГДР)

— Как вы отыскиваете темы для своих юмористических рисунков? — спросили однажды у известного немецкого карикатуриста Эриха Шмитта.

— Очень просто, — ответил он. — Я открываю глаза и смотрю по сторонам. Ведь юмор везде. Даже в телефонной книжке, даже в перечне профессий. Не верите? Постараюсь вам доказать...

Так и появилась на свет его книга «Словарь профессий», несколько страничек из которой мы предлагаем вашему вниманию.

АРХИТЕКТОР

— Мой сын! Мой сын!

ВЯЗАЛЬЩИК МЕТЕЛ

— И это называется качеством! Она же все время летает зигзагами.

ПОЧТАЛЬОН

— Снова просто рекламные листки.

Любиша МАНОЙЛОВИЧ
(Югославия)

Слава

Сташа — сильный, плотный, рослый человек. Короче и точнее — челове-чище! Такой быка съест. Но, люди, вы ведь знаете, сколько стоит бык... Поэтому наш Сташа не всегда сыт. Однако, право же, он не думает об этом. Сташа прежде всего артист, художник — словом, знаменитый человек. Мы с вами, простые смертные, знаем, почему говядина, сколько стоит капуста на рынке, но чашечку поняти-тия не имеем о ценности славы. А Сташа, артист и художник, это хорошо понимает. Слава питает и греет человека, заставляет кровь стремительно струиться в его жилах. Знаменитому человеку не нужны сверхмодные пальто и туфли, чтобы его узнавали люди. У него и без того, как говорится, во лбу звезда горит.

Ах, хорошо быть знаменитым! Вот сейчас, например. Не успел Сташа войти в купе вагона, а на него уже уставился густобровый усатый старичок. Заулыбался старина, по-приятельски подмигнул:

— Вы-то, конечно, меня не знаете, а вот я вас...

Сташа уселся поудобнее, поправил черный галстук-бабочку, надвинул на лоб черную шляпу и зажмурился. Зажмурился и задумался. Знаменитому человеку всегда есть о чем подумать. Однако и сквозь прищуренные веки в его глаза проникла настойчивый взгляд старичка соседа, излучавший симпатию, уважение, восхищение и все прочие приятнейшие чувства...

«Д-да,— думает Сташа,— отличные все же у нас зрители!.. Как они любят своих артистов!»

И Сташа ласково улыбнулся старичку. А тот словно того и ждал.

— Я, знаете ли, тоже живу на Кладбищенской улице,— весело затараторил старик.— Живу, а вас почти никогда не встречаю... Зато моя дочь и мой сын — те совсем близенько вас видели! И в таком они от вас восторге, что только и слышно: «Вот это да!.. Его ни с кем не сравнишь!..»

Еще шире расправилась могучая грудь Сташи, и он подумал: «В какой же роли они меня видели!.. Кем я был в тот вечер? Добрым, довер-

чивым, безумно любящим Отелло, который, когда его мозг и душу отравил ядовитый обман, убил свою Дездемону? Или, быть может, могучим, способным на свершения Егором Булычовым, который хотел быть сильнее болезни и смерти, ну которого все же скосила смерть? Или Тартюфом? Нет, я так правдиво играю этого подлого лицемера, что зритель невольно должен ненависть к нему перенести и на актера... Впрочем, так ли уж важно, в какой роли они меня видели? Важно, что они восхитились мной и полюбили меня!»

Но все же голосом, чуть осипшим от волнения, Сташа спросил:

— А в чем видели меня ваши дети?

— В «Вишневке»! — воскликнул старик.

«Вишневка»? — подумал Сташа, и в его памяти промелькнули названия многих пьес, в которых он играл. «Вишневка»? Такой он не помнил.

— Вы имеете в виду «Вишневый сад» Чехова?

— Ну зачем «Сад»? — отрицательно замотал головой старикан.— Точно в «Вишневке».

— Вы что-то путаете...

— Ничего не путаю. Вы тогда там за один присест девять порций сосисок съели!

— Простите, но я ни в одной из ролей сосисок не ем!

— А вот съели! Да еще полкило сыру, извините, умяли! Дети мои прибежали, успокоиться не могли. Весь, кричат, рестораник на него смотрит, а он девять порций!.. И еще сыр!

— Ах, вы про рестораник «Вишневка»?

И Сташа крепко зажмурил глаза. И сразу исчезло солнце, исчез нежный серебряный месяц, весь мир погрузился во мрак... Поезд, грохоча, несясь сквозь этот мрак, и откуда-то издали до слуха Сташи доносился восторженный фальцет старичка:

— Девять порций сосисок!.. Пятью девять — это же сорок пять штук! Да полкило сыру!.. Да, чуть не забыл, еще и шашлык! Ух! Вот это настоящий мужчина!..

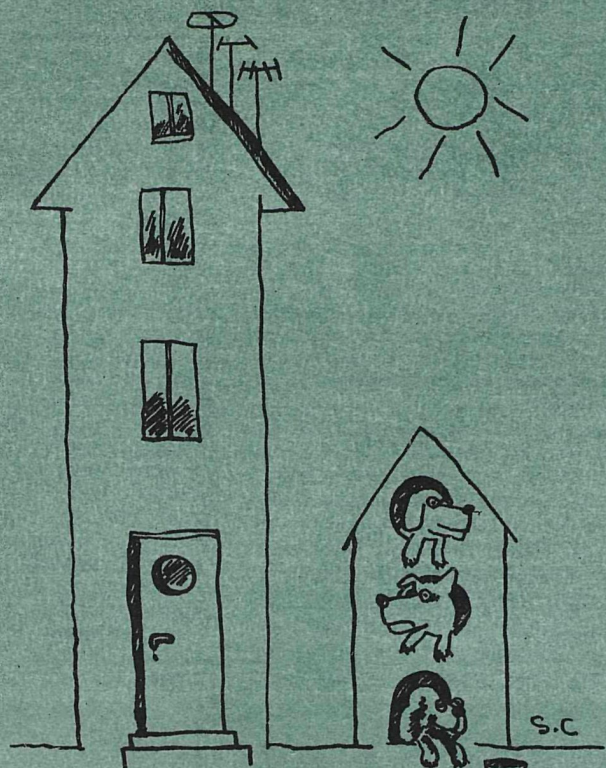

Рисунок Станислава КУБИНЕКА
(Чехословакия)

Человек должен быть очень глуп, чтобы не знать об этом.

«Теперешняя молодежь ужасна!» Эта фраза — первый признак начинающегося склероза.

Гнев ослепляет, но, к сожалению, не отнимает дар речи.

Трудное дело — чихать с чувством собственного достоинства.

Есть люди, собирающие плоды с дерева незнания.

Одиночество скверно потому, что мало кто может выносить самого себя.

Что такое любовь? Делать для кого-то больше, нежели он заслуживает.

Есть люди, за недостатком лучшего хвастающие своим невежеством.

Автор анонимных писем не жаждет славы.

Играть любят не только взрослые, но и дети.

Из многих скверных учеников вышли известные исторические личности. Видно, историю легче делать, чем зазубрить.

Неправда, что любовь слепа. Напротив! Влюбленный видит в предмете своей страсти то, чего другие не замечают.

Известность проходит, неизвестность остается.

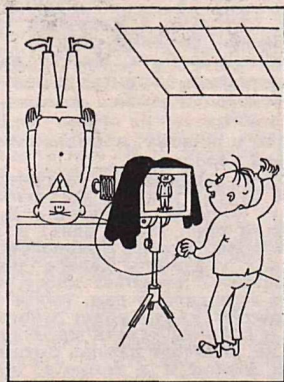
Х. несправедливо обвиняют в плагиате. Для этого он недостаточно начинал.

Плохо, когда писателя вывозит в жизнь его шофер.

Афоризмы

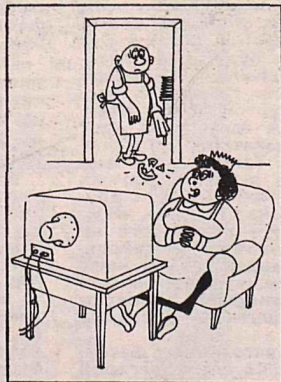
Ласло ФЕЛЕКИ
(Венгрия)

УЧЕНИК ФОТОГРАФА

— Вот теперь вы стоите правильно. Улыбнитесь, пожалуйста!

ДОМРАБОТНИЦА

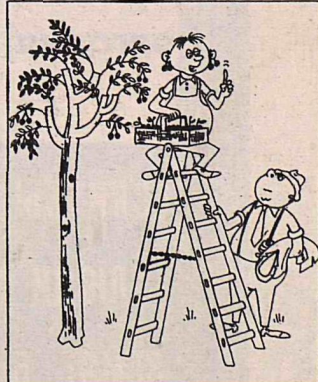
— Не бейте столько посуды, а то потом я буду во всем виновата!

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

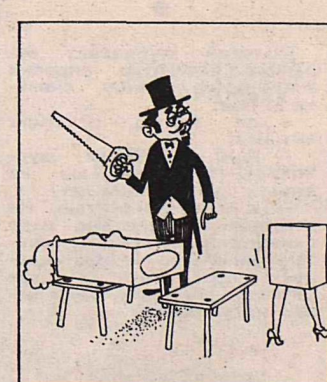
— Ну как поживаете?

СБОРЩИК ВИШНИ

— Я начал сборщиком земляники, а потом поднялся выше.

ИЛЛЮЗИОНИСТ

— Виола, неужели вы не могли подождать, пока не опустится занавес?

ПРОСТО АНЕКДОТ

Человек бежит за автобусом, полным пассажиров. Автобус натиснется с возрастающей скоростью.

— Эй, друг! — смеясь, кричит один из пассажиров. — Вряд ли тебе удастся нас догнать.

— И тем не менее я должен догнать, — отвечает запылавшийся человек. — Я шофер этого автобуса!..

— Когда ты вырастешь, кем ты хочешь стать, Генчо?

— Я буду врачом, как этого хочет папа. Потом я стану адвокатом, этого хочет мама. А затем я стану моряком, чтобы доставить удовольствие и себе.

— Я хочу усыновить трехмесячного английского ребенка, — заявила как-то Жаннета своему супругу.

— Что ты будешь с ним делать?

— Когда он начнет говорить, я буду учиться у него английскому языку.

— «Скорая помощь!» — кричала женщина в телефонную трубку. — Приезжайте! — И, желая ускорить приезд врача, добавила: — у моего мужа температура пятьдесят градусов.

— В таком случае вы опоздали, — услышав спокойный ответ, — это уже не в компетенции медицины. Вам следует позвонить в пожарную часть!

— Я попал в очень трудное положение, пан Ковальский: мне срочно нужна небольшая сумма денег, и я совершенно не представляю, где мне ее достать!

— Это уже легче, мой дорогой! А я испугался. Мне показалось, будто вы вообразили, что можете занять их у меня!

— Товарищ начальник, дайте мне, пожалуйста, две недели за свой счет!

— Помилуйте! Да вы только что вернулись из отпуска!

— Но я собираюсь жениться!

— Почему же вы не женились во время отпуска?

— Господи! Просто не хотел портить себе отдых!

Молодой журналист однажды бестактно спросил знаменитую певицу, сколько ей лет.

— Не помню, — ответила актриса.

— Как? — удивился журналист. — Неужели вы не знаете, сколько вам лет?

— А я их не считаю. Не все, молодой человек, надо считать. Я, например, считаю свои деньги, драгоценности, потому что их могут украсть, а годы у меня никто не украдет!

Мирослав ШВАНДРЛИК (Чехословакия)

жизненное дутье

Несмотря на то, что жена всячески просила за Зденека, я стоял на своих позициях твердо.

— Мальчик поедет в пионерлагерь, и баста, — сказал я голосом, в который попытался вложить все железо, содержащееся в моем организме. — Это не мальчик, а маленький принц. Я в его возрасте бегал один в кино за пять километров, а ему бы только слушать «Баюшки-баю»! Я тайком курил, а он выключивает сладкие пирожки. Я бегал помогать пожарным тушить пожары, а он во время грозы лезет под кровать! И все это оттого, что он постоянно вертится вокруг маменькиных и бабушкиных юбок. Пусть едет в лагерь в Пастыржики, там уж как-нибудь покончат с его

изнеженностью! Начальник лагеря Иржи Полодонат — мой хороший приятель, я ему скажу, чтобы он с него глаз не спускал. Пусть погоняет парня как следует и сделает из него человека, а не гоголь-моголь.

Жена, всхлиывая, возражала, что Зденек — чувствительный ребенок и ему будет тяжело перенести такой резкий переход. Она не против спартанского воспитания, но пионерлагерь — это уж чересчур. Кроме того, если бабушка дознается, какой я жестокий отец, она, безусловно, порвет с нами всякие отношения. Зденек ревел и твердил, что знает не хочет никакого начальника Полодоната и что убежит из лагеря преж-

де, чем попадет туда. Однако я не уступил им ни пяди.

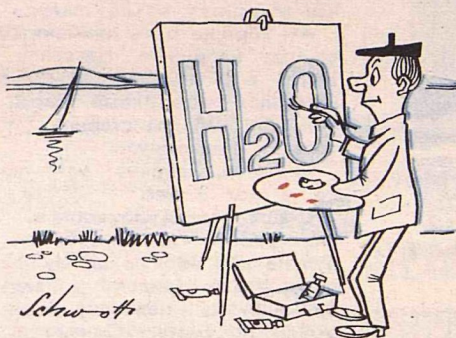
— Собери-ка ему чемодан, — обратился я к жене, — и помни, что он едет не в Экваториальную Африку, а на Чешско-Моравскую возвышенность. Я ни в коем случае не позволю, чтобы он вез туда семь чемоданов с запасом продуктов для двух антарктических экспедиций.

Затем я дал хныкающему Зденеку подзатыльник и сказал:

— Будешь слушаться Иржи Полодоната, он из тебя выкурит твою несамостоятельность. Понятно? И не смей писать домой душераздирающих писем. Рапортуй весело и радостно, что в лагере тебе нравится. Грусть можешь держать при себе. Помни, если ты хоть словечком пожалуешься, я тебя так отдеру, что зад у тебя будет синий, как июньское небо!

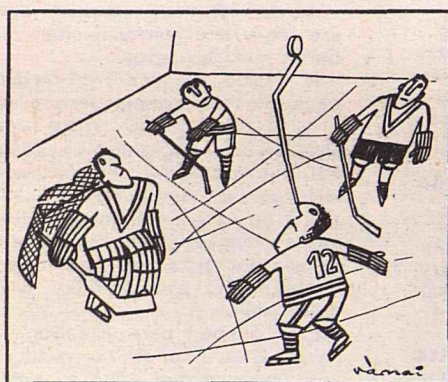
Вскоре после этого мы отправили ребенка в Пастыржики. Супруга начала носить при себе валерьянку, но я твердо верил в педагогическое искусство Иржи Полодоната.

— Что-то он, бедняжка, нам не пишет? — раз по пять на день вопрошала жена, привычно какая валерьянку. — Наверно, скучает, птеник, и плачет целыми ночами. Увидишь, сколько от-

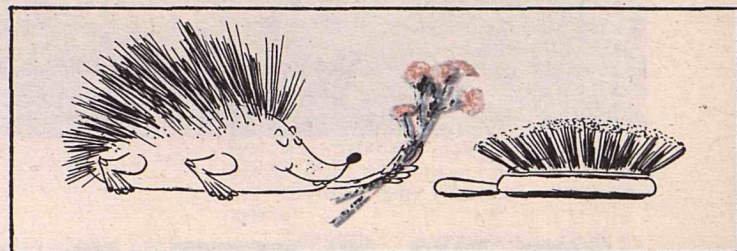
Натуралист.

Рисунок Лайоша ШВОТТА
(Венгрия)

Технический игрок.

Рисунок
Дьердя ВАРНАИ
(Венгрия)

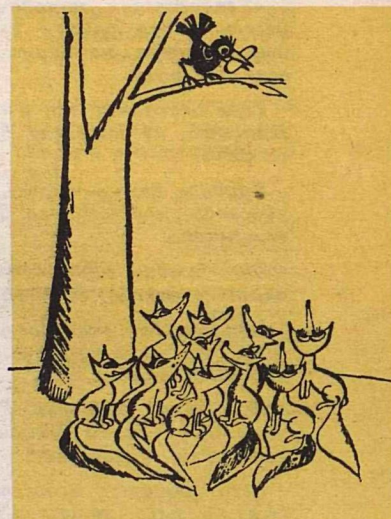

Идиллия.

Рисунок
Альберта ПОХА
(Румыния)

— Ну, если целый коллектив говорит, значит, голос у меня действительно хороший.

Рисунок
Георгия ЧАВДАРОВА
(Болгария)

Иван ВРАЧЕВ,
коренной габровец
(Болгария)

ЕСЛИ БЫ ВСЕ
ЛЮДИ НА
ЗЕМЛЕ БЫЛИ
ГАБРОВЦАМИ

Если бы все люди были габровцами, они всегда смеялись бы, хотя бы потому, что смех ничего не стоит.

Город Габрово — единственный в своем роде в Болгарии, да, пожалуй, и во всем мире. Неофициально он объявлен столицей юмора в нашей стране, но в скором времени, если события будут развиваться благоприятно, он станет и мировой столицей юмора. Ведь о габровцах рассказывают массу анекдотов. А как известно, в анекдотах чаще всего речь идет о знаменитостях. Следовательно, габровцы — люди знаменитые. Так-то вот! Обычно, когда встречаются люди из разных концов Болгарии и, знакомясь друг с другом, рекомендуются: «Я из Шумена», «Я из Варны», «А я софиец», — это никого не трогает. Но стоит кому-нибудь из собравшихся оказаться габровцем, как к нему сразу обращаются все взоры. Сначала слышатся возгласы удивления, а потом следуют бесконечные шутки и анекдоты в его адрес.

Ежегодно в Габрове устраивают фестивали юмора и сатиры. Со всей Болгарии съезжаются шутники, чтобы посмеяться вместе с габровцами. Но если гости смеются бесплатно, то жителям Габрова этот смех обходится дорого: они оплачивают номера в гостиницах, кормят и поят приезжих балагуров. В этом году фестиваль приобрел международное значение. Гости

прибыли и из Дании, и из Румынии, и из других стран. А из Еревана приехала даже целая группа весельчаков. Уже за месяц до фестиваля габровцы плотно сжали челюсти, экономя энергию для фестиваля, и только в месячник юмора они разразились громким смехом.

Габровские анекдоты, вместе взятые, рисуют биографию, характер и привычки анекдотического габровца, который, как вы сами понимаете, не имеет никакого касательства к живому, нормальному жителю нашего города.

Если верить анекдотам, габровец женится, уже будучи старым холостяком, и ищет жену, которая принимала бы пищу максимум один раз в день. В семье каждый габровец твердо придерживается исторических традиций своего родного города. Кошке он отрубает хвост, чтобы та быстрее попадала в дом, иначе через долго открытую дверь уйдет много тепла. Когда к габровцу гости приходят вечером, он не зажигает лампы, потому что беседовать можно и в темноте, не расходуя электричества. Габровец никогда не съедает яйцо целиком, а делает в скорлупке отверстие и выливает содержимое по частям, чтобы хватило на несколько дней. Яйца взаимны габровец дает только по весу, а не штучно, потому что боится, как бы не вернули мелкие. Когда он покупает радиоприемник,

чаяния и грусти будет в его первом письме!

Но я усмехался, ибо верил в действительность своего предупреждения. Письмо пришло на третий день.

«Дорогие родители!

Прежде всего сердечно вам кланяюсь и с любовью вспоминаю вас. Мне здесь очень нравится, потому что мы купаемся сколько хотим, а вчера двое мальчиков утонуло. Здесь также много гадюк, которых мы хватаем руками, несмотря на то, что ближайший врач находится от нас в восьми километрах. Это совсем не страшно, важно только, чтобы она тебя не укусила, а то можно умереть. Но мы не боимся. Иногда мы ходим в каменоломню, в которой часто сверху падают камни. Очень интересно смотреть, как они с грохотом катятся вниз. Позавчера в одного мальчика угодил камень, но не до смерти. А вчера мы нашли несколько динамитных патронов, в субботу будем бросать их в костер. У нас тут железнодорожный перевоз и гнездо шершней.

Не беспокойтесь обо мне, дорогие родители, я очень доволен.

Целую вас, ваш Зденек Похолик».

Прочитав письмо, жена упала в глубокий обморок, причем даже не на ди-

ван, как обычно, а на пол. Я вылил на нее стакан минеральной воды, она открыла глаза, потянула себя за нос и задумчиво сказала:

— Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов гадюк и динамитных патронов, деленных на катет каменоломни.

Я уложил ее в кровать и поглядел на календарь. Была пятница. Динамитные патроны они будут бросать в костер завтра. Значит, я еще успею. Если только Зденек до этого не утонет и не попадет под поезд. Змеи и шершни меня волновали меньше.

Проклиная Иржи Полодоната, я помчался на главный вокзал и купил билет в Пастыржики. Через минуту скорый поезд уносил меня по направлению к Восточночешскому краю.

В Пастыржики меня, улыбаясь, приветствовал загорелый Полодонат. Я набросился на него с упреками, что он рискует жизнью моего единственного ребенка. И как вещественное доказательство показал ему письмо Зденека.

Полодонат расхохотался. Он сказал, что в Пастыржики действительно есть ручей, в котором может утонуть разве только божья коровка, и то в нетрезвом виде. Змеи нужно разыскивать с лупой, а шершни были истреблены еще

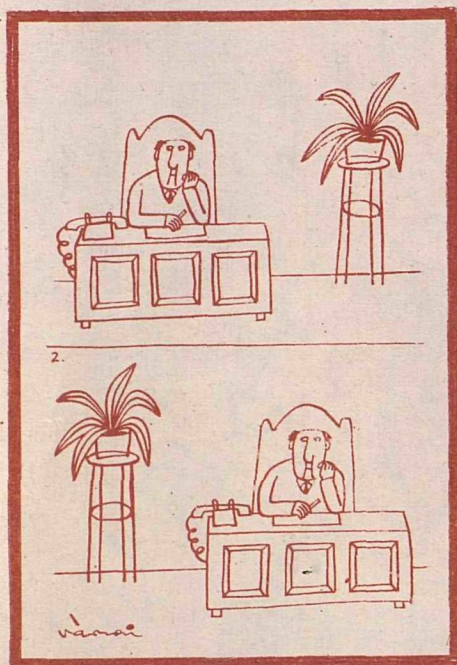
в конце прошлого столетия. Ни о каменоломне, ни о железнодорожном перевозе Полодонату ничего не было известно.

— Отведи меня к моему сыну! — вскричал я возмущенно. — Я покажу ему, что значит дурачить родного отца! Но потом я раздумал. Спокойно возвратился домой и написал Зденеку письмо:

«Дорогое дитя!

Я и мама очень рады, что тебе так понравилась суровая обстановка лагеря. Мы надеемся, что и в дальнейшем ты так же смело будешь купаться и не побоишься утопленников. Змеи, которых вы хватаете руками, хорошо бы раскатать над головой и швырнуть в воздух. Это тебя позабавит. Что касается динамитных патронов, я бы посоветовал вам не бросать их просто так в костер. Суньте их в гнездо шершней и подожгите! Не бойтесь, ничего с вами не случится. Равным образом горячо рекомендую тебе продолжать ходить в каменоломню, ибо увертывание от камней развивает ловкость. Я счастлив, дорогой Зденек, что ты такой храбрый, и желаю тебе до конца каникул пережить еще много интересных приключений.

Целую тебя, твой любящий отец».

Радикальная реорганизация.

Рисунок Дьердя ВАРНАИ (Венгрия)

то выбирает старую модель с большими стеклянными лампами, чтобы они одновременно могли и освещать комнату.

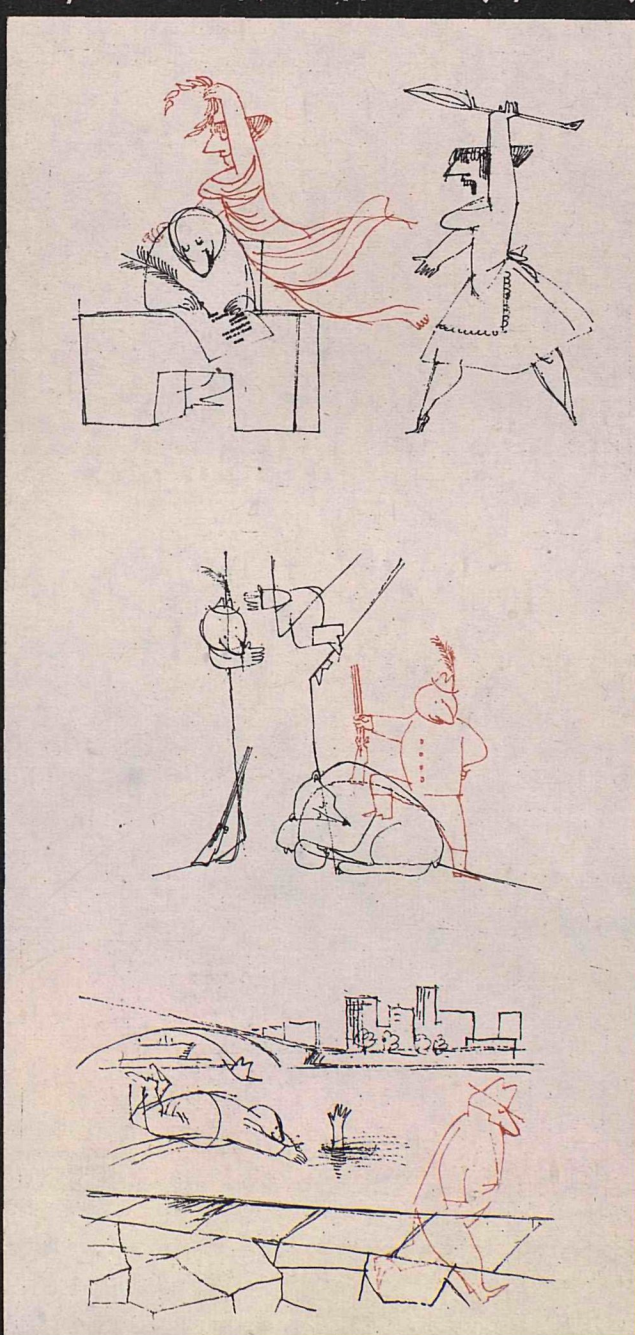
Перед моим отъездом в Советский Союз один габровский остряк посоветовал мне: «Не пользуйся автомашинами и трамваями, а бегай за ними вслед, чтобы экономить копейки. Ведь из копеек складывается рубль. Если предстоит банкет или коктейль, то по крайней мере в течение суток до этого ничего не ешь. Вместо того, чтобы платить за услуги рублями, расплачивайся анекдотами. Помни, что смех — это международная валюта. За хороший анекдот тебе еще заплатят!» И я запасаюсь такой валютой. А таможенники на границе разрешили ее беспрепятственный провоз.

Габровские фабрики, производящие мануфактуру и обувь, вряд ли смогут одеть и обуть весь мир. Но книжки с габровскими анекдотами наверняка могут рассмешить людей на всем земном шаре.

Если бы все люди на земле были габровцами, они занимались бы только мирными делами и смеялись бы всю жизнь. И кто бы, в самом деле, не согласился с тем, чтобы мирно жить и веселиться?

Поэтому я провозглашаю лозунг: «Люди на земле, будьте веселы и счастливы! Долой войну — самого большого врага радости и веселья!»

Рисунки Чика ДАМАДИАНА (Румыния)

Мечты и действительность.

КРОКОДИЛ

№ 29 (1859)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК ШЕСТОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал
выходит
три раза
в месяц

Материалы этого номера
перевели:

М. Березина, Е. Берж,
К. Ерымовский, Г. Коф-
ман, Н. Лабковский,
В. Маркин, В. Митин,
Е. Туганов, Е. Тумаркина,
Н. Энтелис, З. Юрьев.

наш адрес:

МОСКВА А-15
Бумажный проезд
д.14

ТЕЛЕФОН Д 0-10-86

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(ответственный
секретарь)
Б. А. ЕГОРОВ
(зам. главного
редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМОРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00232.
Подписано к печати
9/X 1967 г.
Формат бумаги 70×108 1/4.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 1580.
Заказ № 2878.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

49805 №

1967 г.

ПОЛИТИКА И МОДА

- Это уж слишком, генерал!
- Мадам, мода требует.

Рисунок Теню ПИНДАРЕВА (Болгария)